

РАСКОПКИ РУИН ЦЕРКВИ СПАСА-НЕРЕДИЦЫ БЛИЗ НОВГОРОДА

Л. М. Шуляк

ОСЕНЬЮ 1941 года, во время военных операций под Новгородом, фашисты варварски разрушили ценнейший памятник архитектуры — церковь Спасо-Нередицкого монастыря, построенную в 1198 году и расписанную в 1199 году (рис. 1 и 2).

Обстрел Нередицы велся с западной стороны — из Юрьева монастыря, с северной и северо-западной сторон — из города. Направление обстрела обусловило и места наибольших разрушений памятника, — это были западная и северная его стороны. Первые снаряды разрушили купол, часть барабана, верх северо-западного угла церкви и пробиты брешь над хорами в южной трети западного фасада. Из фресок в первую очередь пострадали центральная часть композиции «Вознесение» и пояс «Апостолов» в барабане.

Об истории гибели Нередицы первым сообщил музейный сторож А. Антонов, который оставался на месте до октября 1941 года и был очевидцем начала ее разрушения. Вот что сообщает он в своих письмах¹: «Купол, — как крыша, так и свод, — пробит насквозь с западной стороны, но еще держится на месте. Пострадали «Пророки» и картина «Вознесение». Но самое главное — это снесено западное плечо на хоры почти по окну; с юго-западной стороны, где вход на хоры, пробита стена насквозь, прямо на лестницу... Снесена и изуродована вся крыша... У колокольни верх снесен и пробита западная стена... Весь краж

покрыт обломками и кровельным железом и ямами от снарядов. От деревни — одни головешки...». «Городицкая церковь сгорела, как и городище; на Ситке тоже церковь Андрея пробита, да и по Липну тоже бил... Из фресок (Нередицы. — Л. Ш.) «Моисей» уже нет. Картина «Страшного суда» была еще цела, хотя в наружной стене пробита брешь... но фресок было еще много нетронутых... Хоры не были обрушены, так как вся тяжесть упала на улицу у западного угла...». «Но я боюсь худшего, уж больно стоит она на лобном месте...», — заканчивает он с тревогой свое последнее письмо.

Действительно, худшее произошло, и после изгнания фашистов от Нередицы остались одни развалины, из которых торчали только зубцы западной и южной стен, два разрушенных западных столба и абсиды — средняя, южная и полуразрушившаяся северная. Казалось, в этой груде камней погибло все, что было в этом уникальном памятнике драгоценного для истории и искусства.

Решение вопроса о дальнейшей судьбе Нередицкой церкви потребовало предварительного исследования ее руин. Произведенные специальной проектно-реставрационной мастерской обследование ее завалов, пробные раскопки, сравнение руин с чертежами П. П. Покрышкина¹ и опубликованными репродукциями фресок², анализ разрушений и сопо-

¹ Письма адресованы на имя сотрудника Новгородского музея Б. К. Мантейфеля и хранятся у последнего.

¹ Обмерные чертежи 1903—1904 гг. Архив ИИМК Академии наук СССР.

² «Фрески Спасо-Нередицы», Л., Гос. Русский музей, 1925.

Рис. 1. Церковь Спаса-Нередицы. Общий вид с юго-востока после реставрации П. П. Покрышкина

ставление их с упомянутыми выше письмами сторожа Антонова доказывали, что на стенах частично сохранились фрески, что среди щебня имеется большое количество фрагментов росписи, что завалы достигают 3—4 м высоты и что на эту высоту завала должны были сохраниться и стены памятника.

Таким образом, полученные данные привели к заключению, что в руинах сохранилось много ценного и что необходимо произвести раскопки и восстановить этот замечательный памятник архитектуры и живописи XII века.

В 1946 году специальная реставрационная мастерская приступила к раскопкам Нередицы. Раскопки носили археологический характер и велись под непосредственным наблюдением автора настоящей статьи, а укрепление раскрываемых фресок производилось специалистами-реставраторами Е. А. Домбровской и В. Г. Светличной. Абсиды, с их большими площадями стен, покрытых росписью, были

самым подходящим местом для таких работ, тем более, что здесь имелись сравнительно небольшие повреждения, а объем завала был относительно невелик. Северная абсида, сильнее разрушенная и подвергавшаяся большим атмосферным влияниям, оставляла меньше надежды на сохранность фресок, а южная была уже частично расчищена в 1944 году группой студентов Ленинградского университета под руководством М. К. Каргера. Поэтому мастерская в 1946 году начала раскопки с центральной абсиды, хотя это требовало устройства добавочных креплений для поддержания завалов и затрудняло производство работ в целом.

В результате раскопок в 1946 году была расчищена почти вся центральная абсида и был снят слой толщиной около метра по всей территории завала. Проведенные раскопки подтвердили первоначальное предположение, и, действительно, в абсиде оказалось много

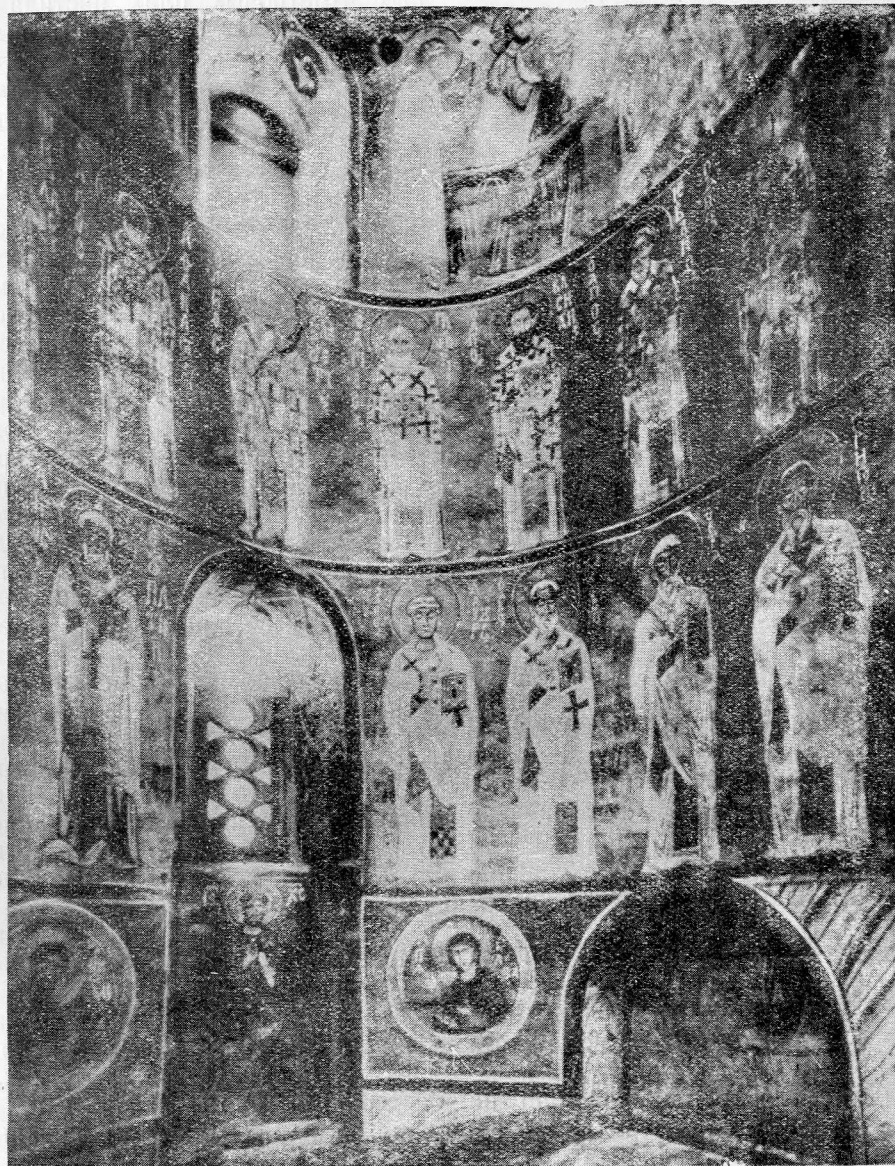

Рис. 2. Церковь Спаса-Нередицы. Фрески южной стены до разрушения

уцелевших фресок, из которых изображение «Петра Александрийского» в северной аркасолии алтаря поражает удивительной сохранностью грунта и красочного слоя (рис. 10, стр. 156). В следующем 1947 году работа по раскопкам продолжалась, и церковь внутри была расчищена до пола, снаружи же завалы были разобраны только частично, так как на них были основаны стойки защитного шатра.

В 1947 году перед мастерской встал вопрос, каким способом продолжать раскопки: горизонтальными выемками (послойно) или вертикальными срезами, идя с запада на восток. Последний способ дал бы значительные преимущества, несмотря на то, что вначале, при раскопке западного входа, пришлось бы сузить фронт работ. Кроме того, при вертикальных срезах облегчилось бы наблюдение за

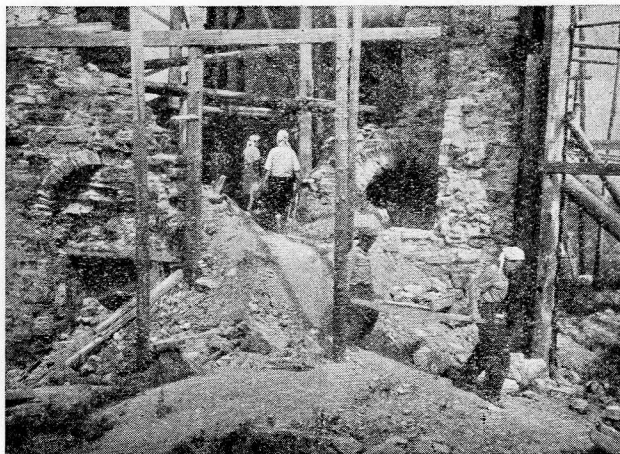

Рис. 3. Раскопки руин у западной стены

характером завала и возможно было бы осторожно отбирать фрагменты фресок и прочий археологический материал, откапывать блоки сохранившейся древней кладки и т. п.

Однако пришлось отказаться от такого метода и вести раскопки комбинированным способом, так как для уменьшения давления завала на временные крепления, поставленные в абсидах при их расчистке, работу вначале пришлось сосредоточить в восточной части и вести ее горизонтальными слоями толщиной около полуметра. В дальнейшем, когда высота завала снизилась до 2—3 м и явилась возможность откопать западный вход, работа велась вертикальными и наклонными срезами, причем нередко приходилось нарушать этот принцип. Это объяснялось тем, что вся работа по раскопкам осложнялась особенностями самого завала. Во-первых, непосредственно на нем были основаны стойки временного шатра, поставленного над всем памятником в 1945 году. Эти стойки приходилось последовательно вывешивать и крепить дополнительными конструкциями, которые загромождали и без того тесное пространство внутри церкви. Во-вторых, завал представлял собой сложный конгломерат различных предметов — камней; громадных глыб закомар (1,0 × 1,5 м), сложенных П. П. Покрышкиным на цементном растворе и с трудом поддававшихся разбивке; блоков древней кладки, которые требовалось спустить без повреждения с высоты завала на пол церкви; сколоченных между собой досок и стоек бывших здесь лесов и стропил; старин-

ных 4-метровых плах настила хор, которые также надо было в целости выкопать из завала; листов кровельного железа; остатков спрятанных местными жителями предметов домашнего обихода и даже неразорвавшихся снарядов. Все это хаотично переплеталось между собой и мешало планомерной работе.

Раскопки (рис. 3) велись с тщательной фиксацией, научно-исследовательским наблюдением и просмотром каждой лопаты мусора. Из-под завалов извлекались и сохранялись попадавшие в большом количестве фрагменты фресок и прочий археологический материал. Особое внимание было уделено работам у стен и возле упавших блоков древней кладки, на которых могла оказаться роспись.

В процессе раскопок все сохранившиеся на стенах фрески немедленно укреплялись специалистами-реставраторами, неотлучно присутствовавшими при работах. Следует отметить, что такое крепление должно идти параллельно раскопкам, неразрывно с ними, и каждый небольшой участок фрески должен быть сразу же укреплен. Без этого недопустимы дальнейшие раскопки, так как раскрытие больших участков фресок без крепления может повлечь за собой обвал последних.

Строительный материал во время раскопок сортировался с учетом предстоящей реставрации. Крепкие камни складывались в штабели, а мелкий щебень и куски раствора сохранялись как заполнитель для будущего строительства.

Одновременно с раскопками производилось временное крепление всех грозивших падением частей здания (рис. 4).

Опыт проведенных работ показал, что для производства раскопок необходим следующий персонал: 1) научный работник, знакомый с археологическими раскопками, для руководства и наблюдения; 2) научный сотрудник для отбора фрагментов фресок и подготовки последних к хранению (просушка, предварительная очистка, аннотирование, упаковка); 3) специалист-реставратор для укрепления фресок; 4) фотограф; 5) звенья подсобных рабочих, состоящие из двух носильщиков и двух нарывальщиков, которые должны предварительно готовить мусор, осторожно разрыхляя и проверяя его. Кроме того, может потребоваться рабочий для разбивки крупных цементированных блоков, если таковые, как в данном случае, будут попадаться в завале. Указанный состав научных работников может руководить двумя звеньями чернорабочих;

при увеличении числа последних необходимо соответственно увеличить и количество специалистов.

При производстве работ все найденные фрагменты фресок осторожно выбирали из завалов, просушивали, если они оказывались влажными, и затем тщательно прокладывали и убирали в корзины. Большинство найденных фрагментов было настолько загрязнено, что на их серой поверхности нельзя было различить ни малейшего признака красок, и только после легкой протирки ватой роспись становилась заметной. При предварительном просмотре удалось подобрать ряд интересных фрагментов, которые были выделены в самостоятельную группу для особого хранения. При упаковке фрески группировали по месту их находки с соответствующей аннотацией; при этом для мест, далеко отстоящих от стен, указывали только общий район находки (подкупольное пространство, северный свод и т. п.) и приблизительную глубину слоя; для мест возле стен, столбов и арок дополнительно указывали участок (северная половина, восточная сторона и т. д.). Более подробное обозначение мест находки было бы излишним, так как наблюдения показали, что части здания при попадании снарядов разлетались в разные стороны, и большее значение для определения первоначального местоположения фрагментов имела последовательность разрушения отдельных элементов здания. В этом отношении некоторое объяснение давали упомянутые письма сторожа Антонова и анализ самых разрушений.

Так, например, характерен случай с паникадилом. Его части были найдены в разных местах и на разных уровнях завала, в том числе и в юго-западном углу, на полу, под упавшими досками хор и там же — над ними. Это были части одного и того же паникадила, а не двух различных, которые, как могло показаться на первый взгляд, должны были висеть над хорами и под ними. Один из первых снарядов попал в барабан, разбил его, а части висевшего там паникадила разлетелись во все стороны и попали под хоры и на хоры. При последующих разрушениях обвалились хоры с находившимися на них частями паникадила. Приблизительно то же могло произойти и с фресками.

Кроме того, последовательность расположения фрагментов в толще завалов не определяет порядка их взаимного расположения на стенах. Так, например, фрагменты фрески

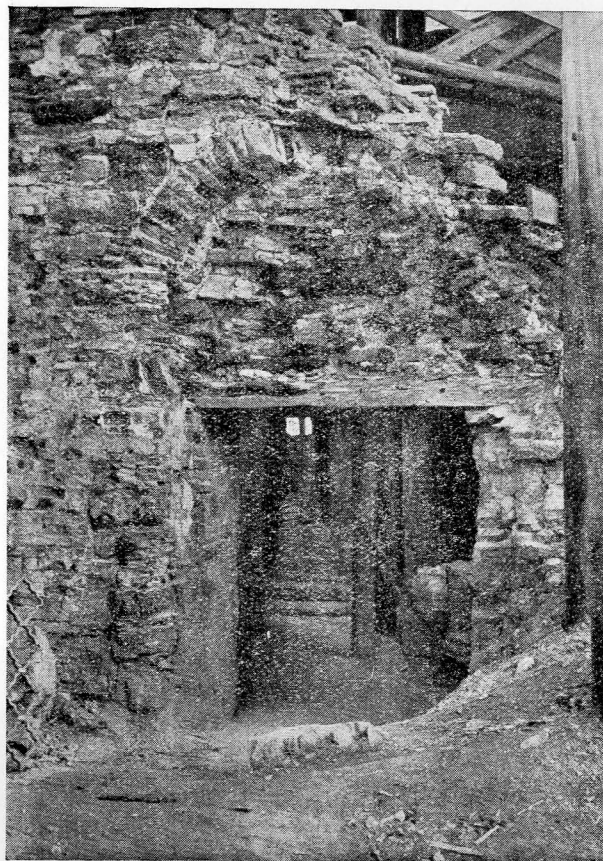

Рис. 4. Западный вход после раскопок

«Спящие апостолы в Гефсиманском саду» оказались в завале ниже фрагментов «Крещения», в то время как на стене они были расположены выше. Очевидно, снарядом вначале были уничтожены верхние части южной стены, и при этом обвалилась близлежащая фреска «Апостолы», в дальнейшем же произошло обрушение фрески «Крещение», фрагменты которой попали в верхний слой завала.

Так же показательны случаи, когда части вышележащих фресок, падая, откалывали от стены куски, расположенные ниже, и, расклинив их, оказывались позади них, прижатыми вплотную к стене. Создавалось ложное впечатление, что фрагмент, находящийся позади, относится к композиции данного участка стены, а отколовшийся кусок попал сюда откуда-то со стороны. Произведенные в 1947 году раскопки внутри церкви показали, что в ней сохранилось и что безвозвратно погибло.

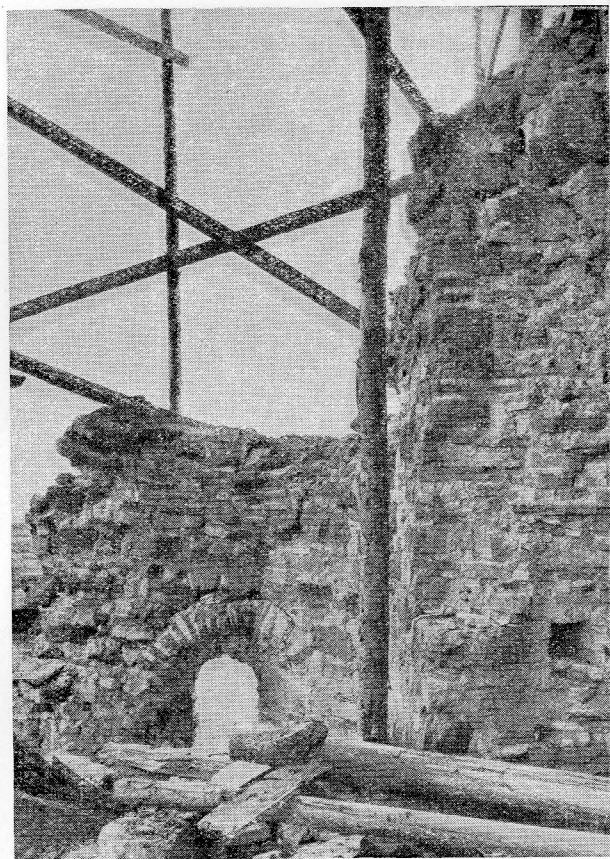

Рис. 5. Северная абсида в начале раскопок 1947 г.

Все верхние покрытия, за исключением конхи диаконника и части свода юго-восточного угла здания, отсутствуют. Стены и столбы имеют различную сохранность.

Западная стена сохранилась на юг от входа по всей длине на высоту около 2 м от уровня пола (в дальнейшем все размеры будут даваться от этого условного нуля). Внешняя фасадная сторона этого участка обвалилась вдоль лестницы на хоры, расположенной в толще стены. Над входом стена, повторяя ступеньки лестницы, доходит до уровня хор, а затем, поднимаясь почти по вертикали, заканчивается закомарой. На этом участке стена имеет сравнительно хорошую сохранность, если не считать повреждений у пяты упавшей западной арки северо-западного столба и разрушений над входом.

Дальше, в северной трети здания, стена с высоты закомар резко по диагонали опу-

скается к уровню хор в северо-западном углу. Сохранившаяся северная треть стены выше уровня хор — в плохом состоянии. Внутренняя ее сторона осыпалась, и фактически осталось $\frac{3}{4}$ — $\frac{1}{2}$ ее толщины. Кроме того, здесь имеется сквозная трещина, которая начинается у верха закомар, проходит через окно и опускается несколько ниже подоконника. Перемычка окна — вся в трещинах, многие ее камни выпали и выкрошились. Угол здания осыпался до уровня 1,6 м. Состояние угла и примыкающего к нему участка стены носило угрожающий характер, и потому в 1945 году здесь были поставлены бревенчатые стойки. Ниже уровня хор стена находится в хорошем состоянии.

Северная стена от абсиды до дверного проема имеет в высоту около 2,5 м. Древняя дощатая перемишка над проемом сгнила и обрушилась. Западнее входа по линии дверей стена скачком подымается до высоты 3 м, а затем, постепенно повышаясь, достигает высоты хор (4,7 м). Общее состояние стены удовлетворительное, за исключением западного угла, где имеется большая осыпь. Из менее значительных повреждений надо отметить нарушение кладки замка и восточной половины арки над западной нишей, где имеется изображение «св. Феклы». Прилегающий участок стены дал ряд местных трещин, и камни кладки плохо держатся на месте. Разрушена верхняя треть арочной перемишки восточной ниши северной стены.

Южная стена сохранилась лучше остальных. С уровня 2,2 м в юго-восточном углу она круто подымается кверху средней лопатки, потом опускается к пятам разрушенных арочных перемишек окон второго яруса средней трети и затем вновь подымается кверху до средней восточной лопатки, заканчиваясь закомарой в восточной трети.

Верхние края стены сходятся на конус, имея большие или меньшие осыпи с одной или двух сторон. Внешняя сторона западного угла осыпалась до отметки 1,6. Над южным входом «разгрузочная» арка повреждена с внутренней стороны, и заполнение над дверью осыпается. Доски деревянной перемишки прогнили и изъедены жучком.

Арка западной аркасолии с знаменитой «Ктиторской» фреской разрушена в замке, что, возможно, способствовало гибели самой фрески. Общее состояние сохранившейся южной стены удовлетворительное.

Из абсид в лучшем состоянии находится южная, затем центральная и в худшем — северная, которая находилась непосредственно под обстрелом.

В южной абсиде (диаконнике) стены и конха целы, свод, перекрывающий юго-восточный угол церкви, наполовину разрушен. Южная треть восточной стены основного четверика над конхой диаконника дала трещины. Закомара над ней сохранилась наполовину.

В центральной абсиде стены сохранились до пят конхи, кроме северной части, где они опускаются до отметки 6,6. В этой части на высоте около 4 м имеется большая брешь, в высоту до 1,5 м и в ширину до 1 м. Арка прохода в жертвенник разрушена, и стена над ней отсутствует. Идущая вдоль центральных окон абсиды большая вертикальная трещина — старая: она видна на photographиях Л. А. Мацулевича, снятых в начале 20-х годов текущего столетия¹. В целом, кладка сохранившихся стен в хорошем состоянии.

В северной абсиде (рис. 5, 6) стена от места примыкания к алтарю на $\frac{2}{3}$ своей длины сохранилась до уровня пят конхи. Дальше на север она резко снижается до существующей высоты северной стены (2,5 м). В центральной части имеется трещина, вертикально идущая от карниза к средней нише. Камни в арочной перемычке окна раскрошились и частично выпали.

Из столбов наименее сохранился северо-восточный. Его высота составляет в среднем один метр.

Северо-западный столб достигает с южной стороны 7,5 м высоты. Верх его оканчивается конусом. Кладка в этой части деформировалась и осыпается. Поперечная стенка между столбами и северной стеной сохранилась на метр выше хор и только узкой полосой, примыкающей к столбу, подымается до 7 м.

Юго-западный столб имеет в высоту 3,7 м, кладка — хорошей сохранности. Южная поперечная стенка, с которой он соединяется, идет у столба на том же уровне и затем на середине пролета подымается по вертикали вверх, достигая высоты закомар.

Юго-восточный столб, объединенный в верхних частях со стенками абсид, сохранился на высоту до 7,5 м. Верхние ряды кладки деформировались, ниже лежащие — в хорошем состоянии.

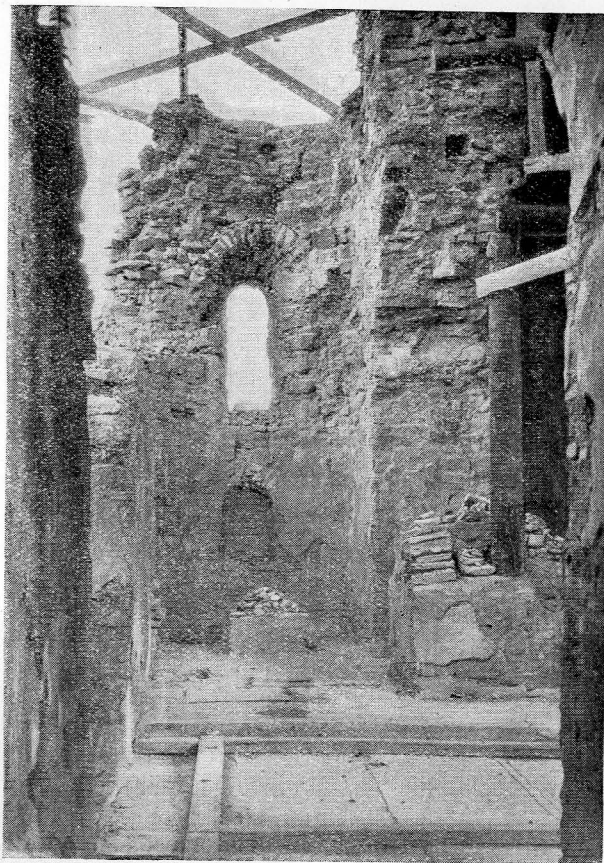

Рис. 6. Северная абсида после раскопок

Из арок, перекинутых со столбов на стены, сохранились только три. Из них в худшем состоянии северная арка северо-западного столба. В северной части она сильно разрушена. Особенно пострадала ее восточная сторона: здесь многие камни растрескались и выпали.

Южная арка юго-западного столба — в удовлетворительном состоянии; имеются незначительные повреждения в западной ее части.

Арка прохода из алтаря в диаконник — относительно в хорошем состоянии.

Все верхние части стен имеют в той или иной степени нарушенную, осыпающуюся кладку, которая сходится на конус, как указывалось выше; деревянные связи в большинстве изъедены шашелем, прогнили или вовсе исчезли, оставив пустоты в стенах.

Плитяной пол церкви, несмотря на происшедшую катастрофу, не получил ни малей-

¹ «Фрески Спаса-Нередицы», Л., Гос. Русский музей, 1925, табл. XXIX.

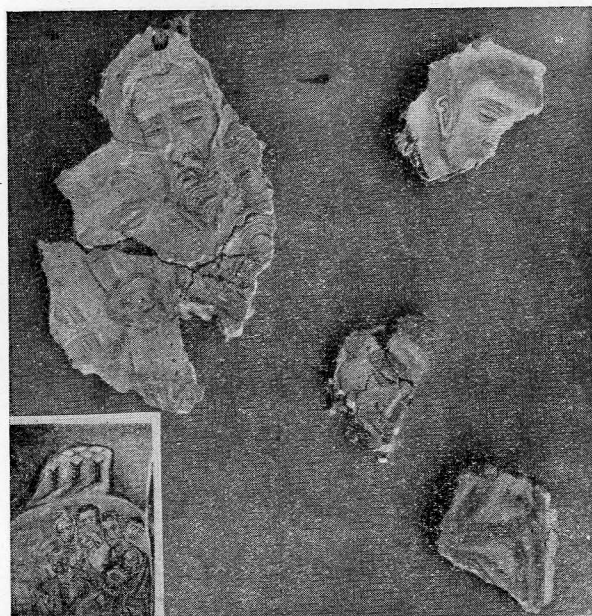

Рис. 7. Найденные фрагменты фресок из композиции «Спящие апостолы»

шего повреждения, — только в восточной части диаконника имеется яма.

В отношении сохранности фресок надо отметить, что в лучшем состоянии как по количеству сохранившейся росписи, так и по качеству грунта и красочного слоя оказались фрески алтаря и диаконника. С одной стороны, эти части меньше других разрушены, с другой стороны, их прежде всего удалось предохранить от атмосферных влияний, устроив еще в 1944 году покрытие, и, наконец, они раньше остальных были освобождены от мусора.

В худшем состоянии дошли фрески северной стены и жертвенника. В этих частях памятник больше всего пострадал от обстрела, и здесь сохранились лишь нижние части стен, на которых и до войны было мало росписи. Кроме того, эта часть стены менее других была защищена от атмосферных влияний и позже остальных расчищена от завалов.

Грунт большинства фресок северного нефа деформировался, легко распадается, имеет большие карманы, заполненные мусором, местами совсем отходит от стен и с большим трудом поддается креплению, тем более, что и поверхность самой кладки — плохой сохранности.

Такое же состояние фрескового грунта и кладки наблюдается в несколько меньшей степени и в других частях памятника.

Известную роль в разрушении фресок сыграли заделанные в стены концы 10—15-сантиметровых жердей, по всей вероятности, пальцы от лесов, сооруженных при постройке церкви. Концы эти с течением времени сгнили, образовались пустоты, и связь с фресковым грунтом нарушилась. Такие участки отставших фресок у упомянутых концов можно заметить во многих местах («Илья Пророк», «св. Фекла», «Крещение»).

Другой конструктивный прием, примененный при сооружении памятника, также сыграл немалую роль в гибели двух больших композиций — «Крещение» и «Страшный суд». Обе фрески расположены над входами. В этих местах строители храма, желая, по всей вероятности, сохранить прямоугольную форму входа и опасаясь нагрузки вышележащей стены на дощатые перемычки, устроили «разгрузочную» арку, проходящую через всю толщину стены, с заполнением каменной кладкой пространства между перемычкой и аркой. Эти места при обстреле оказались слабыми, кладка в них нарушилась, арки деформировались, и написанные на них фрески обвалились.

Обнажение фрескового грунта и наличие в завале многих фрагментов, относящихся к различным фрескам, дают возможность изучить технику и последовательность нанесения красочных слоев, полностью исследовать красящие вещества и грунт фресок, которые не всюду одинаковы. Так, например, в композиции «Крещение» грунт имеет очень много фибровой примеси, тогда как в других местах ее мало и волокна ее мелко изрублены. Большое количество длинных прядей льна особенно бросается в глаза в западной части этой композиции.

Затрагивая вопрос о фресках, следует остановиться на композиции «Крещение», которая сохранилась на южной стене небольшими фрагментами. Наиболее цельной является группа «Народ, ожидающий крещения», сохранившаяся почти полностью. От фигур ангелов уцелели часть туловища с левой рукой, шея и крыло крайнего западного ангела, часть одеяния и рука от крайнего восточного. Кроме того, в нижнем углу уцелели два дерева из пейзажа. Эта фреска может быть пополнена найденными фрагментами, место-

Рис. 8. Вислая печать Нередицкого монастыря

положение которых можно определить по фотографиям, зарисовкам и другим материалам. Совершенно точно можно присоединить к шее западного ангела найденное лицо. От изображения этого же ангела найдена часть одеяния. Кроме того, для реставрации имеются части изображений двух других ангелов и крест, расположенный у ног Спасителя. Большое количество найденных фрагментов фона будет, конечно, трудно восстановить на своем месте.

Другая композиция, которая совсем не сохранилась на месте, но от которой найдены довольно большие фрагменты,— это «Спящие апостолы в Гефсиманском саду» (рис. 7). Фреска была расположена над «Крещением», восточнее центральных окон. От изображений восьми апостолов, которые были написаны на этой стене, удалось найти фрагменты семи голов; из них одна сохранилась почти полностью и четыре — со сравнительно небольшими утратами.

К сожалению, фрагменты фрески, собранные у ниши, где помещается знаменитая «Ктиторская» фреска, и, по всей вероятности, относящиеся к ней, оказались в плохом состоянии; грунт крошится, и роспись едва заметна. Крупных фрагментов не найдено. Самая фреска сохранилась только в нижних частях: видны часть одеяния князя Ярослав-

лава Всеволодовича и часть трона с фигурой сидящего Христа, а от всей надписи остались лишь последние слова: «во век аминь». Грунт росписи — в плохом состоянии: он деформировался и сильно отпучивается от кладки стены, раствор которой также крошится.

Из собранных фрагментов, принадлежность которых удалось определить при предварительном просмотре, можно отметить фрагменты крыльев и одежды архангелов Уриила, Гавриила и Михаила.

Помимо отдельных фрагментов, во время раскопок удалось найти блоки северной и восточной подпружных арок, на которых имеются фрески с орнаментами и медальонами.

Вообще, надо указать, что находившиеся в завале блоки, относящиеся к древним частям церкви, большей частью найдены полуразрушенными, с сильно расслоившейся и растрескавшейся кладкой. Фрагменты фресок на них, несмотря на предосторожности, при малейшем прикосновении распадались на мельчайшие части, и только упомянутые два блока удалось с большим трудом спустить с высоты завалов. Эти блоки, помимо имеющихся на них фресок, ценны как единственные сохранившиеся образцы кладки древних подпружных арок Нередицкой церкви.

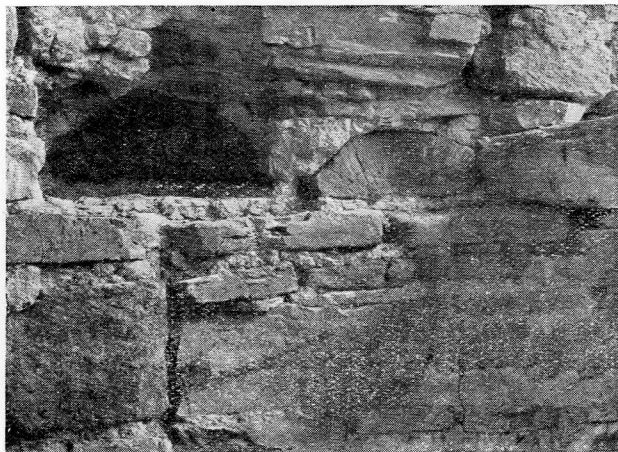

Рис. 9. Хоры. Концы балок, заделанные в стены

Из других предметов, найденных при раскопках, следует упомянуть:

1. Паникадило (XVI в.?), от которого сохранились погнутый центральный стержень с двуглавым орлом (одно крыло отсутствует) и множество подсвечников, подвесок и боковых стержней к нему, найденных, как уже было указано, в разных местах.

2. Кубышка с кладом монет, находившаяся в завале у «Ктигорской» фрески поверх досок хор. Кубышка интересна своим материалом: в то время как обычно клады бывают в глиняных сосудах, нередицкая кубышка — свинцовая, несколько неправильной, суживающейся кверху цилиндрической формы (нижний диаметр 8 см, верхний 7, высота 9,5 см). Монеты, так называемые «новгородки» (XIV—XV вв.), большого размера (511 шт.) и малого (22 шт.), по всей вероятности, разновременны, судя по имеющимся на них вариантам изображений. Все монеты по своей поразительной сохранности кажутся только что вышедшими из чеканки.

3. Свинцовая вислая печать Нередицкого монастыря (XIV—XV вв.), найденная там же, где и кубышка, но несколько ниже ее (рис. 8). Печать диаметром 31—35 мм, на правой стороне надпись «Печать Святого Спаса», на обороте — «Нередицкого монастыря». Печать монастырская и поэтому очень редкая, — в фондах Новгородского музея таковых не имеется. Печать очень хорошей сохранности. Весьма возможно, что кубышка и печать относятся к одному и тому же кладу, первоначальное местонахождение которого неизвестно. Судя по

удивительной сохранности обеих находок, можно предположить, что они хранились без доступа воздуха, т. е. были замурованы в тайнике, который, по всей вероятности, находился выше наката хор, так как в завале обе находки найдены поверх упавших досок настила.

Кубышка с монетами, вислая печать и паникадило переданы Новгородскому государственному музею.

Из находок, собранных при раскопках и относящихся к самому памятнику, нужно упомянуть плинфы. Последние попадались двух типов: четырехугольные и пятиугольные.

Форма четырехугольных плинф различна и меняется от близкой к квадрату ($18 \times 22 \times 3,3$ см) до прямоугольной ($22 - 28,5 \times 17 - 19,5 \times 3,4$ см). Пятиугольные плинфы по общим габаритам равны четырехугольным; зубцы их имеют угол в 80° .

Пятиугольные плинфы попадались редко. Они встречались или отдельными плитками, или, в большинстве случаев, в блоках, которые, к сожалению, носили бесформенный характер. В одном из таких блоков (его можно отнести к междуоконному простенку барабана) пятиугольные плинфы были расположены внутри кладки, между большими плитами известняка. Почти все найденные пятиугольные плинфы имеют со всех сторон следы раствора и, по всей вероятности, находились внутри кладки. Эти данные подтверждают наблюдения, сделанные П. П. Покрышкиным.

Немало найдено плинф со следами отпечатков лап, копыт мелких животных, следов ступней и пальцев, о которых также упоминает и П. П. Покрышкин в своем отчете¹. Плинф с клеймами не найдено.

Почти все плинфы — нормального обжига с хорошо промешанной массой. Встречаются плинфы и с пережогом, доходящим до черноты, стеклообразные, сильно деформированные и спекшиеся друг с другом. Такие плинфы сильного пережога обычно сосредоточивались в отдельных участках. Поскольку можно судить по разрушенным и бесформенным блокам, они служили забуткой сводов. Раствор, на котором велась эта «забутовка», несколько другого характера, чем в основной кладке. Он серо-желтого цвета, и в нем попадает в большом количестве древесный уголь. В основной же кладке раствор (цемянка) светлый,

¹ «Отчет о капитальном ремонте Спасо-Нередицкой церкви». Спб., 1906, стр. 25.

желтовато-розовый, со сравнительно небольшим количеством битого кирпича, с изредка попадающимся мелким боем плитняка и с встречающимся, как исключение, древесным углем. Размеры отдельных зерен заполнителя не превышают 0,5 см. В этом отношении указанный раствор несколько отличается от растворов начала XII века (Николо-Дворищенский собор 1113 г., собор Антониева монастыря 1119 г.), в которых очень много зерен кирпичного боя, достигающих величины в 2,5 см.

Стены выложены из плитняка и ракушечника, с нечетко выраженной порядовкой из плинфы через один-два ряда камней. Ряды плинфы проходят через всю толщину стен, которые внутри выложены так же, как и снаружи, но с большим процентом раствора.

Помимо плинф, во время раскопок были собраны фрагменты голосников, из которых большинство имеет типичный славянский орнамент XII века в виде сплошных или ритмически повторяющихся горизонтальных полосок, волнообразного бегунца, зигзагообразного и сплошного гребенчатого штампа, елочки и пр. Найденные части голосников, как имеющие точную датировку (1198 г.), дают материал для изучения массы и орнамента гончарных изделий конца XII века. В свое время академик П. П. Покрышкин высказал предположение, что фактически голосников должно быть больше, чем их видно на стенах,

и что они закрыты фресковым грунтом. Сохранившиеся участки стен не подтверждают этого предположения.

При работе были также отобраны все старые пластины наката хор, древние косяки дверей и ниш, местоположение которых точно определяется и которые можно будет установить на место при предстоящей реставрации.

Косяки дверей и ниш соединялись «в ус» и вставлялись в проем без четвертей. В хорах настил из досок укладывался одновременно с возведением стен. Концы пластин заделаны в кладку и залиты раствором, а не положены в открытые гнезда (рис. 9). Такой прием устройства настилов долго держался в строительстве Новгорода; так, например, мы находим его в памятниках XIV—XV веков (Рождество на поле 1382 г., Спас Преображения на Ильине улице 1374 г., Петр и Павел в Кожевниках 1406 г. и др.).

К сожалению, не удалось найти древних деревянных оконных ставен, фотографии с которых имеются в упомянутом отчете П. П. Покрышкина¹.

Предварительный этап работ по восстановлению церкви Спаса-Нередицы закончен. При проведении строительных работ должны открыться новые данные, дополняющие наши сведения об этом замечательном памятнике архитектуры и живописи XII века.

¹ Указ. соч., стр. 22, рис. 8.